

Имена собственные в ассоциативно-вербальной сети

В языкознании имена собственные (ИС) традиционно рассматривались в двух пространствах – пространстве языка (это называлось грамматикой ИС) и в линейном пространстве речи (текста, дискурса), когда исследовалось реальное функционирование ИС. В настоящее время, благодаря авторам Русского ассоциативного словаря [РАС], появилась возможность рассмотреть ИС в новом пространстве – в ассоциативно-вербальной сети (АВС), отражающей организацию языковой способности человека. В словаре подобного типа содержится информация, «которая относится ко всем трем уровням языковой личности: грамматико-семантическому (т. е. “языковому” в узком смысле слова), когнитивному (или уровню знаний о мире) и прагматическому» [Караулов, 2002, 753]. Таким образом, словарь открывает новые перспективы и для ономастики, поскольку позволяет изучать способы хранения ономастической информации в сознании среднего носителя данной лингвокультуры. При этом в качестве «единиц хранения» выступают не только и не столько прецедентные имена, которые прекрасно отслеживаются в корпусе РАС, сколько обнаруживаемая в паре «стимул – реакция» взаимная информация, которую можно представить в виде отношений. Эти отношения демонстрируют большое разнообразие и специфику по сравнению с парами, не содержащими ИС.

Представляется, что у когнитивной ономотологии могут быть два источника и две составные части. Во-первых, работы в области когнитивной психологии, прежде всего, исследования, посвященные моделированию представления имен и просто слов в общем семантическом пространстве [Burgess, Conley, 1999], запоминанию и забыванию ИС в сравнении с обычными словами и – если речь идет об антропонимах – с лицами людей [Cohen, 1999], а также посвященные тем же процессам у людей разного возраста и при разных видах афазии. Целиком встать на позиции психолога лингвист, очевидно, не сможет, но познакомиться с ценным научным материалом, полученным в результате экспериментов, представляется необходимым.

Ономатограммам как лингвистам, безусловно, ближе та «когнитивность», которая связана с отражением в языке образа мира, национальной культуры, отсюда тезис об именах как носителях культурной памяти. И здесь одним из эффективных инструментов когнитивной ономотологии могла бы стать ассоциативно-вербальная сеть. Из работы французских историков Ю. Н. Караулов заимствует выражение «места памяти» (*les lieux de memoire*) – важные составляющие национального менталитета: «Места памяти – крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры, хранящиеся в памяти поколений и связанные, как правило, с именами собственными – антропонимами и топонимами» [Караулов, 1999, 149]. Но если французские историки в своем труде фактически сами сконструировали объем и содержание исторического национального самосознания французов, то данные АВС позволяют выявить объективно существующие и спонтанно проявляющиеся в языковом сознании русских данные.

Таким образом, при помощи РАС процесс «выявления арсенала мест памяти» может обрести столь желанную независимость от сознания исследователя.

Таким образом, тема «ИС в АВС», контуры которой представлены в настоящем докладе, отличается от темы «ассоциативный эксперимент с ИС», или «ассоциативная семантика ИС», поскольку она предполагает изучение ИС не только как стимулов, но и как реакций. При всем наблюдаемом интересе к ИС как носителям культурной памяти (прецедентные имена), такой взгляд нельзя считать единственным возможным вариантом когнитивного подхода к ономастическому материалу. Поскольку РАС – это модель сознания человека, то, используя понятие когнитивной ситуации, можно выявить их типы и установить, в качестве каких компонентов ИС в них выступают, а также сравнить с аналогичными ситуациями для нарицательных имен. Такое исследование может служить вкладом в еще не сформировавшуюся, но уже готовую это сделать когнитивную оноματοлогию.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2002. С. 750–782.

Burgess C., Conley P. Representing Proper Names and Objects in a Common Semantic Space: A Computational Model // *Brain and Cognition*. 1999. V. 40. P. 67–70.

Cohen G. Why is it difficult to put names to faces? // *British Journal of Psychology*. 1999. V. 81. P. 287–297.

Я. Влаич-Попович

Белград (Сербия)

Об обозначениях этажа в славянских языках

В настоящей работе анализируются наименования этажа в славянских языках. Особое внимание уделяется сербскому термину *спрат*, выделяющемуся как на славянском фоне (формально и семантически), так и в рамках самого сербского языка, поскольку в последнем отсутствуют лексико-семантические связи, позволяющие найти для этого слова убедительную этимологию. При рассмотрении данного термина не только решается вопрос о его происхождении, но и разрабатывается методика этимологизации слов такого типа.

1. Большое количество и разнообразие обозначений этажа в славянских языках можно интерпретировать как естественное отражение того внелингвистического факта, что древние славяне жили не в этажных домах, а в землянках, и что они довольно поздно, после разделения славянского языкового сообщества, начали строить более сложные здания. Иногда названиями этажа становились обозначения отдельных частей строений (например, стрехи, стропил, потолка и т. п.), а в ряде случаев наименование заимствовало вместе с заимствованием новой реалии. По этой же причине и в каждой форме существования языка (литературном языке,